

Vertaalwedstrijd Russisch-Nederlands 2017

De sectie Russisch van Levende Talen heeft dit jaar voor het eerst een vertaalwedstrijd uitgeschreven. Een deskundige jury is bereid gevonden de organisatie van de vertaalwedstrijd op zich te nemen: Aai Prins, Eric Metz en Wim Honselaar. Zij hebben de tekst uitgekozen, zij zullen zich wijden aan het selecteren van de beste vertaling(en) en zij zullen de prijswinnaar(s) bekend maken aan het einde van onze jaarlijkse [Ruslanddag](#) op 23 september 2017 in het Koninklijk Conservatorium te Den Haag. Boekhandel Pegasus stelt prijzen beschikbaar.

U wordt van harte uitgenodigd om mee te doen aan onze vertaalwedstrijd. Wij verwelkomen u graag op onze studiedag. De uitnodiging voor de studiedag vindt u [hier](#).

Auteur

[Dina Roebina](#) (Tasjkent, 1953) is een gevierd Russisch auteur die sinds 1990 in Israël woont. Voor haar roman *На солнечной стороне улицы* won zij in 2007 de prestigieuze 'Большая книга'-prijs. Hoewel Roebina intussen reeds in vijftien talen vertaald werd, is zij in het Nederlandse taalgebied nog altijd nauwelijks bekend. Zij heeft nochtans een band met Nederland: zij was hier meermaals op bezoek en haar autobiografische verhalenbundel *Холодная весна в Провансе* (2005) bevat een reeks fraaie, eigenzinnige literaire impressies van onder meer Amsterdam, Delft en Scheveningen. Voor de vertaalwedstrijd selecteerden wij het onderstaande fragment uit haar beschrijving van Delft. De lengte van de te vertalen tekst bedraagt 458 woorden.

Spelregels:

- U mag maximaal één vertaling per persoon inzenden
- Stuur uw vertaling in Word naar het speciale e-mailadres van de jury: vertalers.russisch@gmail.com
- De inzendtermijn sluit op vrijdag 1 september 2017 om 24.00 uur
- In overleg met de prijswinnaar(s) publiceren wij de prijswinnende vertaling(en) op onze website

VERTAALOPGAVE

Dina Roebina (2005) *Холодная весна в Провансе*

Над Дельфтом курился туман, легкий, воздушный, какой-то зефирный. Шпиль Ньиве Керк таял, таял, — петушок поблескивал в молоке облачков. Воскресный рынок на Маркт уже обустроивался, складывался в самостоятельный городок. По периметру площади и вдоль домов расставлялись рядами столы, покрытые поверху полосатыми и темно-зелеными навесами. Из открытых спозаранку кафе и ресторанов официанты выносили, позевывая, на улицу столы и стулья.

С колокольни безудержно катились звоны, концерт все длился, Баха сменял Букстехуде, за ними — не смущаясь, — запряженное тройкой малых колоколов, выплывало какое-нибудь известное танго и совершало шикарный танцевальный круг над черепицей, сизой от нежной туманной мороси.

Часа через полтора туман рассеялся, рынок загалдел, зашумел, мягкое солнце затопило старинную площадь...

Ропот великого торгова возносился к шпилям и колоколам.

Вот тут являла себя нынешняя разноплеменность Европы: китайцы, вьетнамцы, таиландцы, арабы со своим поистине международным барахлом, столь привычным сейчас на рынках разных стран, вершили счет носкам, трусам, темным очкам, брелкам и чашкам... Отдельным рядом тянулись столы со старьем, и среди прочего — великолепная и дорогая керамика Нидерландов потертыми, иногда склеенными голубыми боками ловила мягкие солнечные блики.

В съестных рядах торговали сырами, медом и сладостями — круглыми пористыми бельгийскими вафлями, меж слоями которых намазывали шоколадный крем, сгущенное молоко, джем — в зависимости от того, насколько рот отваживался ухватить это многоэтажное великолепие.

Мы к тому времени успели уже выпить кофе, совершить очередной круг по маленькому центру Дельфта и решили вернуться на площадь, с которой доносился разбитной и жалостный одновременно звук шарманки.

Из глубокой тени кирпичного ущелья меж двух высоких домов мы, как в раме, увидели в прямоугольном просвете, рассеченном вверху надвое навесным фонарем, высокий дом на Маркт, выбеленный солнцем, с заплатами бордовых ставней. И фонарь, и тренога, вынесенная перед рестораном, и маленький синий “Фольксваген”, и полосатые навесы, и фургон с лошадкой — все было залито прямым ликующим светом...

Лошадка была рыжей, с золотисто-промытой, как у старательной пятиклассницы, гривой. На платформе-колеснице, в которую она была впряжена, воздвигнут был... теперь надо как-то описать, как-то назвать это сооружение... Балаган-шарманка, вот как я это назову! Итак, сама шарманка была вставлена в вырезанный из дерева и ярмарочно раскрашенный театр величиной с небольшую карету. В окне кареты, за которым виднелись нисходящие по высоте трубы органчика, стояли фигуры трех кавалеров елисаветинской эпохи — в цветных панталонах, в чулках, в туфлях с пряжками и, главное, в треуголках на буклях пудренных париков.

И чего только не было на барочном фронте данного произведения кондитерского искусства; кондитерского — потому, что оно напоминало огромный торт: там были гроздья винограда, выпуклые листья причудливых растений, портреты обольстительных дам и даже — обрамленный листьями и плодами — пейзаж с оливковыми деревьями в голубой долине... Музыку это заведение выдавало совершенно трактирную, карусельную, площадную... Словом, шарманочную.

Вокруг повозки толпилась восхищенная публика. Дети старались потрогать бисквитные на вид красоты райского экипажа, кто-то кормил лошадку орехами, а сверху, с колокольни, все лились секвенции баховских прелюдий, не смешиваясь с механической гармоникой ярмарочного передвижного балагана внизу.